

К. Н. ЛЕОНТЬЕВ <СПИСОК ВЕРУЮЩИХ>

(Публикация О. Л. Фетисенко)

С 2000 г. в Пушкинском Доме готовится и издается академическое Полное собрание сочинений и писем Константина Николаевича Леонтьева (1831—1891). Основная часть архивного наследия этого мыслителя и писателя сосредоточена в Москве (два обширных фонда в РГАЛИ¹ и ГЛМ,² отдельные поступления в ГАРФ, НИОР РГБ и Государственном музее Л. Н. Толстого, значительные комплексы документов в Архиве внешней политики Российской империи МИД РФ и Центральном историческом архиве г. Москвы). В петербургских архивохранилищах (ОР РНБ, РГИА и РО ИРЛИ) представлен преимущественно леонтьевский эпистолярый (из наиболее ценного назову письма к А. А. Краевскому, Н. Н. Страхову, Вс. С. Соловьеву и А. А. Фету).

Фонды РГАЛИ (и в меньшей степени ГЛМ) хорошо известны специалистам, чего нельзя сказать о немногих, но чрезвычайно интересных леонтьевских материалах, хранящихся в Институте русской литературы. В этом отношении показательна история автографа статьи «Несколько воспоминаний и мыслей о покойном Ап. Григорьеве» (1869). Присланная Страхову для публикации в журнале «Заря» и отвергнутая им, она хранилась у адресата, а затем, вместе с другими материалами страховского архива, была передана его племянником И. П. Матченко в Академию наук. В 1915 г. В. Н. Княжнин впервые со значительными неточностями опубликовал это неизвестное произведение Леонтьева в журнале «Русская мысль».³ Затем было две републикации — Р. В. Иванова-Разумника⁴ и А. Л. Осповата⁵ в приложениях к изданиям Ап. Григорьева, а рукопись по-прежнему оставалась как бы

¹ Ф. 290. К. Н. Леонтьев (3 описи). Кроме того, уникальное по своему значению собрание автографов Леонтьева и материалов о нем хранится в недавно описанном и ставшем доступным исследователям фонде С. Н. Дурылина (Ф. 2980).

² Ф. 196. К. Н. Леонтьев.

³ Русская мысль. 1915. № 9. Отд. II. С. 109—124.

⁴ Григорьев А. Воспоминания. М., 1930. С. 528—556.

⁵ Григорьев А. Одиссея последнего романтика. М., 1988. С. 442—458.

не атрибутированной Леонтьеву: на каталожной карточке она была обозначена как автограф некоего «П. Константинова» (неверно прочитанный инициал леонтьевского псевдонима тех лет — «Н. Константинов»).

Мало что могла сказать исследователь и дореволюционная еще карточка, описывающая одно из первых поступлений в фонды Пушкинского Дома: «К. Н. Леонтьев. Заметки» (ед. хр. 1109 шифрованного фонда). За этим условным названием скрывается небольшого объема⁶ уникальный документ, датированный 27 июня 1891 г. — за полтора месяца до монашеского пострига Леонтьева и менее чем за полгода до его кончины, — своеобразное завещание уходящего «одинокого мыслителя». Это не случайные заметки и наброски, а продуманный текст, адресованный конкретному лицу (но не как письмо), в финальной части переходящий в более расширенный смысловой регистр, в близкий Леонтьеву дискурс пророчества.

Возможно, появлению рукописи предшествовал черновой набросок. Обычно в автографах Леонтьева гораздо больше разнообразных исправлений, зачеркиваний. Здесь же правка минимальна. В основном это исправление слов, начатых с опiskой (автор явно торопился). Несколько вставок сделано тут же, по ходу письма (нажим пера тот же). У этого документа нет авторского названия. Он написан рукой адресата (о том, кто им является, будет сказано ниже): «Мне от К. Н. Леонтьева (Список верующих)». Интересующий нас документ не был послан по почте — на письмах Леонтьев неукоснительно ставил дату, здесь же и дата, и место («О<птина> П<устынь>») проставлены не им, а «получателем».

В фондах Леонтьева сохранилось множество адресованных ему писем, но помета на этом документе явно не принадлежала никому из известных корреспондентов. Кроме того, нужно было искать адресата такого, кто не был бы знаком со всеми перечисленными в «списке» лицами. А это не так просто, потому что почти все названные там молодые люди были к 1891 г. уже достаточно известны как публицисты, литераторы или церковные деятели. Кто же из леонтьевских знакомых мог получить такой рекомендательный список? Разгадка обнаружилась при сопоставлении почерка с рукописями писателя и драматурга Ивана Леонтьевича Щеглова-Леонтьева (1856—1911). Совпадение не вызывает ни малейших сомнений, тем более была возможность сравнить помету с рукописями того же периода.

На мысль о таком сопоставлении почерков наводили следующие обстоятельства. Во-первых, уже были отведены все другие предположения. Во-вторых, сам документ хранится в ИРЛИ в составе архива Щеглова (одно из первых крупных поступлений в Пушкинский Дом). Наконец, в-третьих, известно, что младший Леонтьев (Щеглов — это псевдоним), который, возможно, приходился старшему дальним родственником, приезжал в Оптину пустынь.⁷ В Литературном музее Пушкинского Дома в числе прочих материалов из собрания Щеглова (в том числе открыток с видами Оптиной) хранится снабженная его владельческой надписью

⁶ Обычный сложенный пополам почтовый лист, целиком исписанный.

⁷ См. примеч. 31.

фотография К. Леонтьева,⁸ одна из копий известного предпоследнего леонтьевского портрета 1887 г.⁹ (см. вклейку, ил. 11–12)

В основном дневнике Щеглова за 1891 г. отсутствуют записи за июнь, нет и прямых упоминаний Оптиной. Сначала мы видим, что после записи от 23 мая следует датированная 1 авг.,¹⁰ но уже на следующем листе дневник снова «возвращается» в май (15 мая), а заканчивается эта страница торжественно: «24-го мая, пятница. Выезжаем в поиски... за истиной. Боже, благослови мой путь!!

И. Леонтьев-Щеглов».¹¹

Перевернув страницу после этого «прощального» росчерка, находим запись:

«28 июля. Воскресенье. Прибыл обратно в 10 ч. утра. Песнь торжествующей любви! —

28—31 <июля>. Сбираюсь с вещами и с мыслями».¹²

Перед нами рамка, обнимающая собой не высказанные в дневнике впечатления о поездке в Оптину и в Татево к С. А. Рачинскому.

⁸ В музейном каталоге эта владельческая надпись («Известный русский мыслитель-художник Константин Леонтьев (Оптина Пустынь, лето 1891 г.) (Подарок Анатолия Александрова)») не только не была атрибутирована, но и не нашла отражения на карточке, описывающей предмет просто как «переснимок с фотографии». В таком «неопознанном» виде фотография демонстрировалась в ноябре 2006 г. на выставке, приуроченной к проходившей в ИРЛИ научной конференции «К. Н. Леонтьев: Биография, наследие, исторический контекст». На выставке же, устроенной в апреле 2009 г., фотография заняла место в витрине рядом с автографом публикуемого нами «списка», причем показывалась именно ее оборотная сторона с владельческой надписью. Таким образом, два экспоната, дополняя друг друга, взаимно свидетельствовали о своей принадлежности одному лицу. В той же витрине впервые была выставлена и фотография филолога и поэта А. А. Александрова (1861—1930) с адресованной Щеглову надписью: «Дорогому Ивану Леонтьевичу Щеглову на добрую память. СПб., 29 августа 1899. Ан. Александров». Возможно, леонтьевскую фотографию Александров подарил Щеглову тогда же. Упоминание в надписи на первой фотографии 1891 г. и Оптиной пустыни служит лишь напоминанием владельцу об обстоятельствах знакомства с изображенным на ней лицом (см. вклейку, ил. 13–14). Пользуясь случаем, благодарю сотрудников Литературного музея ИРЛИ В. С. Логинову и П. В. Бекедина за помощь в поисках этих портретов и предоставление их на выставку.

⁹ Леонтьев так отозвался об этом своем портрете в письме к Т. И. Филиппову от 26 июня 1887 г. «Не знаю, понравится ли Вам этот портрет, мне что-то не очень по вкусу этот изнуренный старик с лицом „en lame de couteau“ (узким, худым, *фр.* — О. Ф.). Мне кажется, что я еще все-таки получше этого» (РГАЛИ, ф. 2980, оп. 1, ед. хр. 1025, л. 1). Ср. сходный ироничный отзыв в письме к помощнику секретаря Московского цензурного комитета С. В. Залетову от 27 сент. того же года: «... посылаю Вам (с надписью) мою *вдвойне* отвратительную фотографию, во-1-х, по исполнению, а во-2-х и по сюжету (старый изнуренный «интеллигент»; терпеть не могу!)» (Там же, ф. 290, оп. 1, ед. хр. 19, л. 12).

¹⁰ РО ИРЛИ, архив И. Л. Леонтьева, № 1418, л. 58.

¹¹ Там же, л. 59. До того, как попасть в Оптину пустынь, Щеглов совершил большое путешествие по югу России, Украине и Белоруссии. Мысль побывать в знаменитом своими старцами монастыре пришла к нему уже во время путешествия, достаточно случайно. Но уже сам отъезд из Петербурга действительно был вызван «поиском за истиной». Писатель переживал в то время серьезный духовный (да и житейский тоже) перелом, рассказ о котором увел бы нас слишком далеко в сторону.

¹² Там же, л. 59 об.

А не высказаны они потому, что этим поездкам посвящена отдельная тетрадь. «Петербургская» оставалась дома, а в дороге заполнялась другая, имеющая даже свое заглавие: «Путешествие 1891 г.». ¹³ Оптинский дневник Щеглова представляет собой настоящий клад для исследователя биографии К. Н. Леонтьева: сохранилось так мало источников, в которых зафиксирована его живая речь, и вот обнаружен столь подробный, да еще и относящийся к последнему периоду жизни, ко времени подведения итогов. Конечно, этот материал заслуживает отдельной объемной публикации, здесь же он будет использоваться лишь в примечаниях.

Из дневника Щеглова мы узнаем, что он пробыл в Оптиной 10 дней, с Леонтьевым познакомился в первые же дни, по-видимому, в храме, был приглашен на ужин и дальше уже бывал в «консульском домике» (так, по роду прежней службы Леонтьева, называли купленный им в 1887 г. дом у ограды монастыря) каждый день, а то и сам «консул», «в высшей степени оригинальная личность», как записал после первой большой беседы Щеглов, ¹⁴ отдавал ему визит. Нельзя сказать, чтобы Щеглов был очарован личностью своего однофамильца или родственника: он скорее «наблюдает» его (в специфическом, «беллетристическом» значении этого слова), старается запомнить побольше черточек. Леонтьев почувствовал это. Единственное упоминание в его эпистолярии о новом знакомце (и то без называния по имени) отмечает в Щеглове именно этот, неприятный ему, взгляд «изучающего нравы» «фельетониста». ¹⁵

Интуиция Леонтьева верна. Щеглов как истый беллетрист не случайно так подробно записывал все, что видел и слышал в Оптиной пустыни: он сразу задумал роман или повесть под названием «Зеленая пустынь (История одной поездки)». Здесь под именем Новоскольцева должен был быть «выведен» Леонтьев, под именем старца Онисифора — старец Амвросий, и т. д. Сам Щеглов предстал в образе приехавшего в монастырь в «поисках за истиной» разочарованного петербуржца Никусихина (позднее — Черепова). Множество набросков и разрозненных записей к «Зеленой пустыни» сохранилось в дневниках (они же — рабочие тетради) Щеглова. ¹⁶

Вернувшись в Петербург, Щеглов стал заканчивать повесть «Убыль души» (одно из наиболее известных его произведений), в это время он если и вспоминал в дневнике Леонтьева, то скорее с негативной оценкой — как «внешне православного». ¹⁷ Но, как часто случается, свои поправки внесла смерть. Узнав из газеты «Гражданин» о кончине Леонтьева, Щеглов просто не находил себе места: каялся, что собирался написать в Оптину письмо, «да так и не собрался», сокрушался о том, что «корил его за мелочь, упуская его крупные достоинства»,

¹³ Там же, № 1419, ч. 1.

¹⁴ Там же, л. 24.

¹⁵ См. в примеч. 36 к наст. публ. цитату из письма к В. В. Розанову от 14 авг. 1891 г. Ср. со словами Леонтьева, записанными Щегловым 27 июня: «Фельетонное отношение, фельетонная жизнь, фельетонно — уезжать скоро. Останьтесь!» (РО ИРЛИ, № 1419, ч. 1, л. 24 об.).

¹⁶ РО ИРЛИ, № 1418, 1419, ч. 2. К весне 1892 г. «Зеленая пустынь», по замыслу, становится второй частью романа «Загадка жизни».

¹⁷ Там же, № 1418, л. 61.

давал клятву «восстановить» образ Леонтьева «во всей цельности».¹⁸ Тогда-то и появляется основной массив набросков к «Зеленой пустыни» и записи к очерку «Нелюдим».

В одном из набросков писатель меняет название повести на «Открытие Америки (История одной поездки)». «Америка» — это и весь неизвестный Щеглову дотоле мир православного монастыря, но, конечно, в еще большей степени это сами личности о. Амвросия и Леонтьева. К ним приковано внимание автора, их почти одновременные кончины¹⁹ он теперь осмысливает-оплакивает. «*Поехал искать человека... и нашел фонарь*», — записал он на полях тетради с наброском «Открытие Америки» 15 нояб. Вверху листа надпись: «Смерть К. Н. Леонтьева».²⁰ 19 нояб. появляется запись: «Обнаружилось монашество К. Н. Леонтьева».²¹ Как видим, весь этот новообретенный ценнейший материал требует серьезного осмысления, для его научной публикации, скажу словами Щеглова, еще нужно «собраться с вещами и с мыслями».

Вернемся теперь к врученной Щеглову 27 июня 1891 г. записке. Ее название, пусть и не авторское, «Список верующих», сразу заинтриговывает, заставляет задуматься о целях составления такого списка, о том, кто и по какому принципу туда включен. На первой же странице в глаза бросаются имена ближайших учеников Леонтьева — священника Осипа (Иосифа) Ивановича Фуделя (1864/1865—1918) и Ивана Ивановича Кристи (1863—?), которого Леонтьев за глаза не иначе называл как «Ванечка». И дальше, проглядывая рукопись, мы видим, что в списке только молодежь, причем здесь отсутствует несколько имен, которые можно было бы ожидать встретить в ряду учеников.²² Это говорит о выверенности отбора. Каждое имя сопровождается короткой, но выразительной характеристикой. Указывается возраст, происхождение, образование, род занятий, основные склонности и важнейшие черты характера молодых людей. Кроме того, список четко структурирован по социальному признаку. Для подборки «сословного строя» и иерархичности иначе и быть не могло. Начинается список с трех священников (все они, что было важно Леонтьеву, дворяне), затем идут светские люди «хороших фамилий», а уж затем — разночинцы Анатолий Александрович Александров и Федор Павлович Чуфрин, хотя они были ближе к Леонтьеву, чем многие из тех, кто опередил их в этом ряду. Далее бегло перечислены те, кого Леонтьев знал менее близко, — недавно поступившие в Оптину пустынь послушники из дворян. (О том, почему для Леонтьева так было важно «пришествие» дворянской молодежи в Церковь, будет сказано далее.)

В корпусе текстов Леонтьева присутствует еще один «список», построенный по схожему принципу: это «Позднее, но необходимое

¹⁸ Там же, л. 75 об.

¹⁹ Старец Амвросий скончался 10 окт. в Шамордино, Леонтьев — 12 нояб. в Новой Лаврской гостинице в Сергиевом Посаде.

²⁰ РО ИРЛИ, № 1418, л. 77.

²¹ Там же, л. 79.

²² Не упомянуты, например, Я. А. Денисов, П. А. Уманов и Г. И. Замараев.

возражение»,²³ полемический отклик на статью «Церковно-общественного вестника» «К вопросу о монашестве», в которой говорилось о необходимости образовательного ценза для монашествующих.²⁴ Леонтьев, как известно, только приветствовал образованность «духовных», но не мог не оставить без ответа заявление церковного издания о том, что современное монашество пополняется бездельниками и лентяями из солдат, купцов и мещан. Основную часть его «возражения» занимает перечень имен с характеристиками, конечно, более сжатыми, чем в позднем документе, при этом не предназначавшемся для печати. Тогда, в 1880 г., список образованных оптинцев (и не только, здесь перечислено и несколько лиц, лишь косвенно связанных с прославленным монастырем) составлен, вероятнее всего, о. Анатолием (Зерцаловым). Здесь тоже, что характерно, особо выделены монахи из дворян, но не забыты и получившие хорошее воспитание представители купечества. Многие из упомянутых отцов Леонтьев никогда не видел, они скончались задолго до его появления в Оптиной. «Список», врученный Щеглову, никакой полемической или апологетической нагрузки уже не несет и включает в себя далеко не только священников и монахов. В нем названы только те, о которых Леонтьев мог лично и ответственно свидетельствовать, ведь большую часть поименованных составили его ученики.

В статьях о Леонтьеве, начиная с первых откликов на его кончину, в немногих его биографиях, в мемуарных очерках и т. д. постоянно отмечается такая деталь — «умственное одиночество» и позднее обретение кружка учеников, впрочем, небольшого. Один из молодых друзей Леонтьева, А. Н. Волжин, писал ему в 1884 г.: «Что касается Вас, Константин Николаевич, Вы действительно нашли отклик своим чувствам в людях много Вас моложе. Я дерзаю даже думать, что они Вас более понимают, а следовательно и любят, чем Ваши сверстники».²⁵

Первыми пришли к Леонтьеву еще в 1883—1884 гг.²⁶ воспитанники Катковского лицея, ученики П. Е. Астафьева. Самыми близкими, самыми «частыми посетителями второго этажа темно-коричневого деревянного двухэтажного дома Авдеевой в Денежном переулке Пречистенки», которые проводили здесь вечера, «ловя каждое слово» учителя «и совершенно

²³ Варшавский дневник. 1880. 17 нояб. № 246. С. 5—6. Подпись: Мирянин, почитатель монашества. См.: *Леонтьев К. Н.* Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. / Подгот. текста и коммент. В. А. Котельникова и О. Л. Фетисенко. СПб., 2004. Т. 7, кн. 2. С. 208—217 (далее сокращенно: *Леонтьев*).

²⁴ Церковно-общественный вестник. 1880. 28 марта. № 38. С. 1—3.

²⁵ ГЛМ, ф. 196, оп. 1, ед. хр. 99, л. 7 об. По поводу способностей молодежи этого поколения (и чуть старше) к пониманию вспоминаются слова Ф. М. Достоевского из «Дневника писателя за 1877 год»: «В молодежи нашей есть серьезность, и дай только Бог, чтоб она была умнее направлена. <...> как мне кажется, юное поколение наше гораздо лучше умеет спорить, чем старики <...> они выслушивают и дают говорить — и это именно оттого, что для них разъяснение дела дороже их самолюбия» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1983. Т. 25. С. 131).

²⁶ Ср. в автобиографическом документе «Хронология моей жизни» (1883, 1889): «84-й год. Зима. Сближение с молодыми людьми (Кристи, Александров и т. д.)» (*Леонтьев*. Т. 6, кн. 2. С. 35).

не замечая времени»,²⁷ стали И. И. Кристи, А. А. Александров, Яков Андреевич Денисов (1862—1919; филолог-классик, впоследствии профессор Харьковского университета) и Григорий Иванович Замараев (1860—1902; впоследствии чиновник Петроградского статистического комитета). Бывал у Леонтьева студент Московского университета Николай Михайлович Горбов (1859—1921).²⁸ Братья Нелидовы, Озеров, А. Н. Волжин, Н. Б. Алмазов (сын поэта Б. Н. Алмазова), Маликов и другие по выходе из Лицея от Леонтьева отделились. Один из студентов, Миронов, «сейчас же после окончания курса умер».²⁹ Дальше появление новых лиц стало уже редким, но зато вновь присоединившиеся к кружку заметно выделялись на фоне своих предшественников (из самых интересных для Леонтьева назову С. К. Веригина, будущего священника). Через Александрова с Леонтьевым познакомился студент юридического факультета Московского университета и начинающий публицист Николай Алексеевич Уманов, а он, в свою очередь, в 1887 г. представил Леонтьеву — сначала эпистолярно (Константин Николаевич уже перебрался в Оптину пустынь) — своего друга и однокурсника О. И. Фуделя, которому суждено было стать самым верным из учеников и издателем первого собрания сочинений Леонтьева.³⁰

В неизданных воспоминаниях о Иосифа, написанных незадолго до смерти, в сентябре 1918 г., есть страницы, посвященные московскому кружку. Приведем несколько фрагментов из этого бесценного источника.³¹ «Интересны отношения Константина Николаевича

---

²⁷ Александров А. А. Памяти К. Н. Леонтьева // К. Н. Леонтьев: pro et contra: Антология: В 2 кн. СПб., 1995. Кн. 1: Личность и творчество Константина Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей 1891—1917 гг. С. 366.

²⁸ Помещик Тульской губернии, ставший учителем в Татевской школе С. А. Рачинского; автор учебников по русской истории. В Тульской областной библиотеке сохранилась подаренная ему Леонтьевым брошюра «Наши новые христиане» (М., 1882) с надписью на обложке: «Николаю Михайловичу Горбову, от автора». См.: Тихоненкова Т. В. Инскрипты литераторов в фонде Отдела редких книг Тульской областной библиотеки // Новое литературное обозрение. 2005. № 71. С. 504. О. И. Фудель упоминал о Горбове в своей ранней книге как о пионере «православного народничества»: «Он застрельщик молодежи, он пионер нового для молодежи дела, практический указатель нового для нее идеала. С 1884 года он отдал свои силы и знания народной школе, основанной в селе Татеве, Смоленской губ., известным С. А. Рачинским. Но не в том заслуга его, что он учительствует в сельской школе, а в том, что школа его есть истинно-народная, церковная школа, в том, что он первый из Университетской молодежи пошел в народ, как истинно-верующий, для дела „развития личности в разуме Христовом“, вот в чем его заслуга и за что ему всегда честь и слава» (NN <Фудель И. И.>. Письма о современной молодежи и направлениях общественной мысли. М., 1888. С. 177; книга вышла в декабре 1887 г.).

²⁹ Александров А. И. Памяти К. Н. Леонтьева. II. Письма Леонтьева к Александрову. Пг., 1915. С. 51.

³⁰ См. подробнее: Фетисенко О. Л. 1) «Сочувствие и содействие»: Наследие Константина Леонтьева в руках друзей и единомышленников (1900—1920-е годы) // Вестник РХГА. 2007. Т. 8, вып. 1. С. 117—129; 2) Достоевский, «русские мальчики» и «православные немцы»: (Годы учения Иосифа Фуделя) // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 19 (в печати).

³¹ Кстати, здесь среди лиц, посещавших Леонтьева в Оптиной, упомянут Щеглов-Леонтьев (РГАЛИ, ф. 2980, оп. 1, ед. хр. 1051, л. 23 об.).

к окружавшей его или только знавшей его издали молодежи. Он любил эту свою молодежь беззаветно, как можно любить только своих детей. В Москве около него группировался кружок студентов, преимущественно лицейстов <...>. Сам же я лично наблюдал, как Леонтьев заботливо и участливо болел душой за каждого из своих питомцев; хлопотал за них перед сильными мира сего, выпрашивал стипендии, устраивал, молился за них во время болезни, скучал, когда долго не имел известий, отечески дружески понуждал их писать ему часто и т. д. Сам я обязан ему бесконечно многим. Достаточно сказать, что достижение счастья величайшего служения на земле, т. е. священства, связано у меня с именем Константина Николаевича».³²

«Питомцы» («дети души», сказал бы по-восточному Леонтьев) чувствовали эту любовь — «греющее отношение», по удачному выражению Евг. Поселянина³³ — и платили ответной. Это видно по их письмам, в которых они искали, помимо всего прочего, «любящего и опытного совета».³⁴

Фудель показывал в своих воспоминаниях притягательность личности Леонтьева, его умение обращать людей в свою веру: «Трудно было с ним соглашаться, невозможно было с ним не спорить, но и трудно было устоять против обаятельной красоты этой титанической натуры, которая была весь пламень, весь благородный гнев, о которой уже никто не мог бы сказать словами Апокалипсиса „Ты ни холоден, ни горяч“.³⁵ Обаятельность заключалась и в скрытых противоречиях духа Леонтьева, в раздирающей его душу драме всей жизни, и это ясно ощущалось всяким, кто соприкасался к этому новому Прометею XIX века.

И Леонтьев в полной мере пользовался этой своей притягательной силой „чародея“.³⁶ Он старался использовать всякую даже малейшую возможность повлиять на молодую душу, на молодой ум. Он старался *внушить* юноше свои понятия о религии, морали, культуре, красоте, призвании России, хамстве и разложении Западной Европы, ненадежности славян, необходимости дисциплины и крутого режима во внутренней политике, близости конца мира и т. д., всего, что составляло сущность его мировоззрения, его социально-политических взглядов. <...> Это был прозелитизм чистейшей воды в благородном смысле слова... <...> В своих стремлениях обратить своего молодого собеседника в свою веру, навязать ему свои точки зрения он доходил до религиозного пафоса. Он так *верил* в правильность своих теорий и выводов, по крайней мере в существенной основе их, и так глубоко был разочарован в возможности влияния своего слова на общество, что уже не думал ни о славе литературной, ни о широком влиянии,

³² Там же, л. 23.

³³ *Поселянин Евг.* <Погожев Е. Н.>. Леонтьев. Воспоминания // К. Н. Леонтьев: pro et contra. Кн. 1. С. 191.

³⁴ Из письма А. Н. Волжина от 7 марта 1884 г. (ГЛМ, ф. 196, оп. 1, ед. хр. 99, л. 7).

³⁵ Измененная цитата: Откр. 3: 16.

³⁶ Так, «Чародей», назвал свое поэтическое посвящение Леонтьеву (1884) А. А. Александров. См.: К. Н. Леонтьев: pro et contra. Кн. 1. С. 365—366.

а думал только о том, чтобы оставить следы в молодом поколении, чтобы найти или воспитать единомышленников среди ее, чтобы чрез талантливую молодежь не учитель, нет, не он, никому неведомый старик, а его *учение* победило впоследствии общественное равнодушие и тупость. И в этом искании удовлетворения, в этих глазах, жадно-пытливо всматривавшихся в каждого молодого собеседника, — чужалась всегда какая-то глубокая трагедия, какая? Тогда нам юным ученикам Леонтьева это было еще совсем не ясно...»³⁷

«Прозелитизм» продолжился в Оптиной пустыни. Сюда приезжали, иногда надолго, Фудель, Александров и Кристи (первые два — по-семейному, с женами), здесь Леонтьев познакомился с совсем юным тогда Евгением Николаевичем Погожевым (Поселянином), сблизился с образованным послушником князем Борисом Петровичем Туркестановым (будущим митрополитом Трифоном), принял от старца Амвросия попечение о митущейся, но уже обретающей «покой в Боге» душе «обращенного нигилиста», народного учителя Федора Чуфрина. «Стоило Леонтьеву переехать за два месяца до смерти из Оптиной в Сергиев Посад, как уже и там за такой маленький срок потянулись к нему молодые люди из учащихся в духовной Академии. Часто навещали его священ<ник> С. Веригин, священ<ник> Н. Толстой³⁸ (оба перешедшие потом в католицизм), профессорский стипендиат И. И. Попов и другие», — рассказывал Фудель.³⁹

Не следует думать, что «прозелитами» Леонтьева были только юноши. Это особенно важно подчеркнуть в связи с «вброшенной» в общественное сознание еще Н. Н. Страховым и С. А. Рачинским (отчасти поддержанной В. В. Розановым и С. Н. Дурылиным и широко растиражированной Ю. П. Иваском) известной рода информацией, прочно укоренившейся в расхожих представлениях о Леонтьеве-«Алквииаде». Помимо «прозелитов» были и «прозелитки». Тут можно вспомнить — из более раннего периода — его племянниц М. В. Леонтьеву (1847—1927) и Е. В. Самбикину (†1911) (обе еще с 1880-х гг. жили при монастырях, обе были духовными дочерьми старца Амвросия, а Екатерина Самбикина даже стала настоятельницей Шамординского монастыря), «посольских дам» в Константинополе (С. П. Хитрово и Е. А. Ону), которым вернувшийся с Афона Леонтьев «проповедовал православие»; из круга общения конца 1870-х—1880-х гг. — О. С. Карцову, В. В. Неклюдову, В. А. Попырникову. Глубокое религиозное влияние

³⁷ РГАЛИ, ф. 2980, оп. 1, ед. хр. 1051, л. 23 об.—24 об.

³⁸ В отношении свящ. Н. А. Толстого (см. о нем примеч. 27 к наст. публ.) Фудель не точен, поскольку тот, по его собственному свидетельству, познакомился с Леонтьевым уже во время его предсмертной болезни, беседовал с ним всего один раз, а потом сослужил иеромонаху Трифону (Туркестанову) на отпевании монаха Климента. Но зато именно о. Николай, когда из-за метели все священники отказались провожать гроб до могилы (где нужно было еще отслужить литию, да и сам путь до кладбища Гефсиманского скита был не близкий), взял этот труд на себя. См.: *Толстой Н.* Памяти инока Климента // *Московские ведомости.* 1916. 12 (25) нояб. № 262. С. 3.

³⁹ РГАЛИ, ф. 2980, оп. 1, ед. хр. 1051. В отчестве Попова ошибка. Имеется в виду *Иван Васильевич Попов* (1867—1938), будущий профессор Московской духовной академии.

общение с Леонтьевым оказало на дочь одного из его сослуживцев по Московскому цензурному комитету М. Н. Кривоблоцкую.⁴⁰

В круг общения Леонтьева последних лет входила, конечно, не только молодежь, но и люди 1850-х гг. рождения: Вл. С. Соловьев, Ю. Н. Говоруха-Отрок, В. А. Грингмут, Л. А. Тихомиров (с Говорухой и с ним Леонтьев познакомился в 1890 г.) и — бесценное приобретение — эпистолярный собеседник 1891 г. В. В. Розанов. Не прерывались и отношения с публицистом и издателем С. Ф. Шараповым (1855—1911).⁴¹ К этому поколению принадлежит и адресат публикуемого документа, Щеглов-Леонтьев.

Вот с этим-то кругом лиц связывались у Леонтьева весьма серьезные проекты. По воспоминаниям Тихомирова, уже в начале их общения с Леонтьевым (значит, это было в сентябре 1890 г.)⁴² обсуждалась заветная идея, которой с кем и было поделиться «оптинскому отшельнику», как не с бывшим подпольщиком-народовольцем.

«Дело касалось организации особого общества, которое Леонтьев в шутку прозвал „Иезуитским Орденом“. <...> Конечно, тут дело касалось вовсе не какого-нибудь Иезуитского Ордена, а мысли наши бродили вот над чем. Борьба за наши идеалы встречает организационное противодействие враждебных партий. Мы все являемся разрозненными. Правительственная поддержка скорее вредна, чем полезна <...> и навязывает свои казенные рамки <...>. Необходимо поэтому образовать особое Общество, которое бы поддерживало людей нашего образа мыслей — повсюду, в печати, на службе, в частной деятельности, всюду выдвигая более способных и энергичных. Очень важное и трудное условие составляет то, чтобы Общество было *неведомо* для противников, а следовательно, ему приходится и вообще быть *тайным*, т. е. другими словами нелегальным. Это главное условие его силы, хотя, конечно, создает для него постоянный риск правительственного преследования. <...> в Обществе этом не должно быть никаких внешних признаков организации <...>. Как все это устроить? Каких людей привлекать? Каков должен быть не писанный, а устный устав? Ничего этого мы

---

⁴⁰ Сохранилось замечательное свидетельствующее об этом письмо от 27 дек. 1887 г., в котором М. Н. Кривоблоцкая благодарит Леонтьева за «уроки» и «добрые советы» и признается: «Знаете ли Вы, что Ваше появление было эпохой в моей жизни. Я это отлично помню. Вы как бы сняли печать с закрытой книги, Вы заговорили впервые громко о том, о чем я смела думать только втайне, про себя. У нас в семье не было принято говорить о религиозных вопросах, у знакомых наших также, а потребность была между тем громадная и накопилась все более и более. Заговорить с кем-нибудь сама я бы никогда не решилась по дикости. К этому признанию прибавлю еще одно, что в первый же день я плакала после Вашего посещения, и позже меня очень часто огорчала Ваша жесткость. Вы способны лить на раны одно вино, без смягчающего масла» (ГЛМ, ф. 196, оп. 1, ед. хр. 155).

⁴¹ Леонтьев перед этим в значительной степени содействовал его приобщению к церковной жизни. См.: Переписка К. Н. Леонтьева и С. Ф. Шарапова (1888—1890) / Вступ. статья, подгот. текста и коммент. О. Л. Фетисенко // Русская литература. 2004. № 1. С. 110—144.

⁴² См.: Переписка К. Н. Леонтьева и Л. А. Тихомирова / Публ. С. М. Сергеева при участии О. Л. Фетисенко // Записки Отдела рукописей Российской государственной библиотеки. М., 2008. Вып. 53. С. 433—454.

ни разу не обсуждали. Только в одном пункте мы, кажется, были с первого слова единомысленны: что Общество нужно и что оно, по необходимости, должно быть секретным, тайным. Поэтому-то Леонтьев и шутил, что мы затеваем „иезуитский орден“. <...> Но, повторяю, этот план остался у нас в зародыше, заглавием ненаписанного романа». ⁴³

Теперь ясно, что переданный Щеглову «список» — это часть того же замысла, того же тайного «иезуитского ордена». Можно сказать, что здесь перечислены его потенциальные будущие *novizii*. Леонтьев несомненно знал о провалившейся в свое время «Священной дружине», ⁴⁴ ставшей предметом пародий Салтыкова-Щедрина под названием «общество взволнованных лоботрясов». «Оптинскому отшельнику» виделось иное, и к делу он намеревался подойти весьма серьезно и без спешки.

Своих «иезуитов» Леонтьев хотел, прежде всего, воспитать как носителей новой самобытной культуры, укорененной в православной церковности. Нереализованный его замысел, о котором он неоднократно говорил и упоминал в своих письмах, — книга об этой новой культуре. Леонтьев собирался озаглавить ее строкой царя Соломона: «Премудрость созда себе дом и утверди столпов седмь» (Притч. 9: 1). ⁴⁵ Отсюда, от «седми столпов» этой новой культуры, еще одно шуточное его определение для своих последователей: «гептастилисты». Свидетельство об этом оставил в своих воспоминаниях Г.И. Замаев: «Себя и нас, т.е. свою „школу“, Константин Николаевич называл иногда „анатолистами“ (т.е. буквально: «восточниками»). — О. Ф.), иногда „гептастилистами“, указывая последним названием на те главные семь положений, на которых должна, по его мнению, основываться и развиваться славяно-русская культура». ⁴⁶

К сожалению, ни один из учеников Леонтьева не оставил воспоминаний о том, как же именно формулировались эти «семь положений». Уж не действовала ли и тут конспирация «тайного ордена»? Некоторые из постулатов «гептастилизма», однако, исчислены самим Леонтьевым в одном из его первых писем к Фуделю (от 6—23 июля 1888 г.): «Товарищам Вашим я не раз изображал ⁴⁷ в концентрированном и наглядном виде

⁴³ Тихомиров Л. А. Тени прошлого. К.Н. Леонтьев // К.Н. Леонтьев: pro et contra. Антология: В 2 кн. СПб., 1995. Кн. 2: Личность и творчество Константина Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей после 1917 г. С. 27—28.

⁴⁴ Из его знакомых в эту организацию входили П. Д. Голохвастов, П. М. Хрущов, И. Е. Шевич, И. Н. Шатилов. См.: Федорова М. Московский Отдел Священной Дружины (По данным Архива Секретного Отделения Канцелярии Московского Ген.-Губернатора) // Голос минувшего. 1918. № 1/3. С. 139—183.

⁴⁵ Ср. в письме к Филиппову, начало которого утрачено (датируется по содержанию концом 1885 г.): «Я хочу, до смерти хочу — написать хоть для рукописного распространения в высших кругах наших: мои реальные пророчества будущей культуры — „Премудрость созда себе дом и утверди столпов седмь“» (РГАЛИ, ф. 2980, оп. 1, ед. хр. 1025, л. 35). По всей вероятности, это один и тот же замысел с тем, что был одобрен и благословлен старцем Амвросием, о чем Леонтьев сообщил Филиппову 26 марта 1888 г.: «От<ец> Амвросий, когда я у него просил благословения на выбор следующей работы и перечислял предметы, сказал мне: „Пишите прежде то, что Вы называете историческим пророчеством об России“» (Там же, л. 38).

⁴⁶ К. Н. Леонтьев: pro et contra. Кн. 1. С. 207.

⁴⁷ Вписано над зачеркнутым: говорил.

то, что, по обстоятельствам, в книгах моих там и сям разбросано. —⁴⁸ Я сам полушутя прозвал мою патриотическую мечту *Энта-стилизмом* (учением о *Семи-столбии*). —⁴⁹ Из сверстников Ваших, думаю, что лучше всех знают эту теорию мою: Денисов, Александров и Кристи. — Уманову я, кажется, не успел изложить ясно.⁵⁰

Вообще сказать: 1) Государство должно быть *пестро, сложно, крепко-сословно* и с осторожностью подвижно. — Вообще *сурово*, иногда и до свирепости.

2) Церковь должна быть *независимее* нынешнего. — Иерархия должна быть *смелее, властнее, сосредоточеннее*. — Церковь должна *смягчать* Государственность; а не наоборот.

3) *Быт* должен быть поэтичен, *разнообразен в национальном*, обособленном от Запада, *единстве*. — Или совсем, напр<имер>, не танцовать, а молиться Богу; — а если танцовать — то *по-своему, выдумать* или *развить* народное до изящной утонченности... и т. п.

4) *Законы*, принципы власти должны быть *строже*; люди должны стараться быть лично *добрее*; — одно уравновесит другое.

5) Наука должна развиваться в духе глубокого презрения к *своей пользе*».⁵¹

Одну из ближайших и достижимых целей, что послужила бы затем и реализации далеко идущих планов, Леонтьев усматривал в оживлении и преобразении церковной жизни с приходом в духовенство и монашество молодых образованных дворян.⁵² В воспоминаниях Фуделя рассказан забавный и характерный для Леонтьева эпизод. В сентябре 1890 г. молодой священник сопровождал своего старшего друга из Оптиной пустыни в Москву. Леонтьев, который терпеть не мог железных дорог, был в мрачно-раздражительном настроении, но вдруг внезапно развеселился. Что же произошло? «Сзади ехали какие-то дамы и весело болтали по-французски; я не прислушивался, да и не понимал ничего. Только вижу, лицо Леонтьева проясняется и светлеет; глаза заблестели, он бросил взгляд на меня, потом стал смотреть куда-то вдаль, спокойный, чем-то внутренне удовлетворенный. Было особенно приятно смотреть на его лицо, строго очерченное в профиле, энергичное и вдохновенное. Наконец он не выдержал; наклонился близко ко мне и стал говорить шепотом: „Вы поняли, о чем говорили эти дамы?“ — „Нет“. —

⁴⁸ *Далее зачеркнуто*: Скажу так и быть кратко и Вам...

⁴⁹ *Далее зачеркнуто*: Вот она: Прилагаю схематический чертеж на другом листке. (Леонтьев иногда и в статьях своих прибегал к чертежам и схемам, и в этом же письме к Фуделю была уже одна таблица. Остается пожалеть, что в этом случае он передумал и не приложил никакого пояснения на отдельном листке.)

⁵⁰ Из сверстников ~ ясно *вписано между строк и на полях*.

⁵¹ ГЛМ, ф. 196, оп. 1, ед. хр. 68, л. 12.

⁵² В связи с этим надо обратить внимание на то, что Щеглов, находясь под сильным впечатлением от Оптиной, начал подумывать, не разъехаться ли с женой (с которой, судя по дневнику беллетриста, у него были тогда одни раздоры) и не остаться ли в полюбившейся ему обители, и даже завел об этом разговор со старцем Амвросием (см. примеч. 32 к наст. публ.). При этом мнение Леонтьева о влиянии дворянства на культуру монашества Щеглов не разделял. Ср. в записи от 1 июля: «Прощание с Леонтьевым и благодарность за ¾ правды. (Хорошие монахи, потому что дворяне.)» (РО ИРЛИ, № 1419, ч. 1, л. 32).

„Они удивлялись, как это сидит священник, а манеры у него совсем светского человека...“. И он, откинувшись на спинку, опять задумался чему-то, весело улыбаясь.

Я молчал и не мешал его думам. Я понимал его оживление и радость. Непрестанно в своих разговорах он развивал любимую тему, что Церковь наша нуждается в образованных и светски воспитанных священниках и архиереях, для того чтобы поднять власть церковную на ту высоту, на какой она должна быть. Мечтал он о большой независимости Церкви от светской власти, о большей авторитетности духовенства и смелости. И все это он связывал с притоком в ряды духовенства верующих светских людей, которые могли бы оказать влияние и на все светское общество. Не шутя мечтал он видеть своего любимого Владимира Сергеевича Соловьева на кафедре Вселенского Патриарха в Царьграде,⁵³ и даровитого И. Кристи епископом в Москве. И вот случайный эпизод в вагоне вырвал Константина Николаевича из ненавистной обстановки и погрузил его снова в область мечтаний. Как раз перед этим печаталась в „Гражданине“ его вдохновенная статья „*Добрые вести*“,⁵⁴ в которой он группировал все факты проявления религиозной жизни в обществе и делал из этого оптимистические выводы. Ему *хотелось* делать эти выводы, хотелось видеть начало возрождения России, осуществление ее *религиозного* призвания. И, правду говоря, живя в Оптиной, в этом центре, куда стекались со всей России люди с новым религиозным опытом, или только искавшие его, трудно было (особенно *тогда*) не впасть в ошибку и не принять частного за общее». ⁵⁵

В предисловии к публикации нет возможности подробнее остановиться на темах, к разговору о которых выводит публикуемый документ. Для лучшего его понимания приведем еще один большой фрагмент из воспоминаний о.И. Фуделя, по счастливому совпадению, рисующий настроение Леонтьева как раз в то время, когда этот документ был создан, т. е. в июне 1891 г. (для Фуделя эта встреча со старшим другом оказалась последней): «...он был в настроении скрытой внутренней

⁵³ Здесь необходимо уточнить, что леонтьевские оценки Соловьева в один и тот же период могли колебаться в амплитуде от «будущего патриарха» до «предтечи антихриста».

⁵⁴ Статья из цикла «Записки отшельника». Впервые: Гражданин. 1890. 22 марта. № 81. С. 1—2; 24 марта. № 83. С. 2; 28 марта. № 87. С. 2; 7 апр. № 95. С. 2. См.: *Леонтьев*. Т. 8, кн. 1. С. 414—444. В статье «Добрые вести», не называя имен, Леонтьев приводит примеры из жизни некоторых из тех, кто вошел в публикуемый «Список верующих».

⁵⁵ РГАЛИ, ф. 2980, оп. 1, ед. хр. 1051, л. 27 об.—28. Фудель продолжал: «Много времени с тех пор протекло, более четверти века. Новое поколение успело вырасти и стать на ноги. Принятие сана священника светским лицом теперь уже не редкость; много иерархов за это время было и есть не из духовной касты. И что же? Стала ли церковная власть более свободной и независимой? Раздавались ли голоса обличения в последние десятилетия перед революцией? Явились ли новые митрополиты Филиппы из дворянского рода Кольчевых? Не упал ли за это время авторитет Синода до последней возможности? И в чем проявилось заметное <влияние> на общество новых людей в клире? В тонкой наблюдательности, в трезвых суждениях опыта его гениального ума, в реальной жизни Леонтьев пророчественно-прав. В сладких мечтах о будущем, о желательных путях жизни и он ошибался, как и все благородные мечтатели. Но если бы не мечтать, чем же тогда было бы жить?» (Там же, л. 28 об.).

тревоги, но внешне более спокоен, чем когда-либо раньше. Его мало тревожило все *внешнее*, т. е. литературные дела, политика, общественность. Обо всем этом он говорил спокойно, даже равнодушно. Он как бы постепенно отчуждался от этого мира. Часто подводил меня к ящикам своего комода, указывал, где какие рукописи лежат, делал распоряжения на случай смерти. Видимо, его мысли были всецело сосредоточены на трех приближающихся моментах неизбежной развязки. До сих пор им не был исполнен обет, данный Богу еще в Салониках, — принять монашество.⁵⁶ Хотя он жил с того времени, особенно последние четыре года, полумонашескою жизнью, но главное — пострижение — было впереди. Сам ли он откладывал этот момент, старцы ли оттягивали, не желая раньше времени отрывать его совершенно от мира — мне неизвестно. Но во всяком случае этот момент приближался, потому что решенный уже переезд из Оптиной в Сергиев Посад понуждал к тому: Леонтьеву хотелось, чтобы это совершили именно Оптиские старцы; да к тому же предчувствие приближения смерти заставило ускорить этот момент.⁵⁷ <...>

Быть может, в связи с этим наши беседы в это последнее мое свидание с ним часто имели своим предметом близкую кончину мира. И раньше, даже в первый мой приезд, Леонтьев настаивал на неизбежности *близкого** конца, но тогда это поглощалось как-то нашими спорами или же его мечтаниями о призвании России. Теперь же Леонтьев не мысленно только приходил к положительному выводу, а *видел* воочию приближающийся конец. Это было эсхатологическое *прозрение*, жуткое до крайности, но неоспоримое, как факт, как очевидность. И это было за много лет до того, как апокалипсические темы стали волновать русских мыслящих людей, за десяток лет до появления в печати „повести об антихристе“ Влад. Соловьева.⁵⁸ Но и сам В. Соловьев в этом долгое время был одинок, что же говорить о Леонтьеве? Напоминать в печати или разговоре о близком конце мира или о том, что связано с этим — значило в лучшем случае вызывать улыбку сожаления или насмешки. И когда я вскоре после появления одной последней статьи Леонтьева на эту тему⁵⁹ увиделся с К. Победоносцевым, он с первого же слова накинулся

---

* В своих письмах ко мне он неоднократно советовал брать темой своих проповедей кончину мира.

⁵⁶ Речь идет о событиях июля 1871 г., когда Леонтьев, почти уже умиравший на даче под Салониками, дал перед иконой Богоматери обет поехать на Афон и постричься в монахи. См.: *Леонтьев*. Т. 6, кн. 2. С. 108.

⁵⁷ Тайный постриг был совершен 18 авг. 1891 г., вероятнее всего, скитона начальником Анатолием (Зерцаловым), причем в той келье, которую впоследствии занял еще один Оптинский старец, Варсонофий. 5 сент. Леонтьев прикровенно сообщил о совершившемся постриге Фуделю: «...18-го августа совершилось надо мною то, о чем я вам говорил...» (ГЛМ, ф. 196, оп. 1, ед. хр. 68, л. 27).

⁵⁸ «Краткая повесть об Антихристе», завершавшая книгу Соловьева «Три разговора», впервые издана в 1900 г.

⁵⁹ Речь идет о статье «Над могилой Пазухина», так же, как и «Добрые вести», принадлежавшей к циклу «Записки отшельника» (Гражданин. 1891. 5 марта. № 64. С. 1—2; 6 марта. № 65. С. 1; 7 марта. № 66. С. 2; 8 марта. № 67. С. 1; *Леонтьев*. Т. 8, кн. 1. С. 445—461).

на меня: „что это ваш Леонтьев юродствует?“... „Юродствует“ — это говорил официальнейший представитель Православия!...».⁶⁰

По воспоминаниям Фуделя, прогуливаясь по оптинскому бору, говорили они с Леонтьевым тогда «все о том же, все о признаках и предчувствиях близкого конца Истории». «Я помню свои недоумения и вопросы, к чему же тогда сводится вся борьба за свои идеалы, если действительно близок конец. Зачем хлопотать о своеобразии и красоте особой культуры, зачем противодействовать всеуравнительному прогрессу, который разливается победным потоком по всей земле и в борьбе с которым провел всю жизнь свою Константин Николаевич? Помню его грустный взгляд и спокойные без обычного повышения голоса ответы. Несомненно конец близок; это по всем объективным данным, совершенно соответствующим предсказаниям Писания. Но от нас легко зависит приблизить грозный час Суда Божия или отдалить его. *Час* никому не известен; ни ангелам, ни Сыну Человеческому даже.⁶¹ Ибо от нравственного состояния мира зависит, когда он наступит. Несомненно — всеуравнительный прогресс уравнивает почву для Царства Антихриста; он подготавливает его. Чем более уравниенья, чем скорее идет везде процесс вторичного смещения⁶² — тем скорее смерть человечества. Остановить это лет на сто, на двести могла бы новая культура, новое принудительное расслоение людей, и об этом стоит заботиться, стоит хлопотать. Но... *не слишком ли поздно?* Быть может, *теперь* уже ничто не поможет. И ответом на этот мучительный вопрос была только его глубокая задумчивость и продолжительное молчание».⁶³

---

⁶⁰ РГАЛИ, ф. 2980, оп. 1, ед. хр. 1051, л. 28 об.—29.

⁶¹ Аллюзия на Мф. 24: 36.

⁶² Историсофский термин Леонтьева, впервые введенный в книге «Византизм и славянство» (1872—1875).

⁶³ РГАЛИ, ф. 2980, оп. 1, ед. хр. 1051, л. 29 об.

К. Н. Леонтьев
<Список верующих>

1. *Веригин* (от<ец> *Сергий*);¹ 24 лет; — 4-й год Священником в собствен<ном> имени (*Поим*; *Пенз<енской> Губ<ернии>*);² женат на *Граф<ине> Мусиной-Пушкиной*. — Ездит за совет<ами> к от<цу> Амвросию. — Простосердечный, весьма интересный (даже по внешности) юноша. — Кончил курс в Катковск<ом> Лицее.

2. *Фудель* (от<ец> *Иосиф*), 26-й год; — 4-й год Священник<ом> в Гор<оде> Белостоке, Гродненск<ой> Губ<ернии>.³ — Юрист Моск<овского> Университ<ета>. — Ездит часто к от<цу> Амвросию и ко мне. — Обещает быть превосходн<ым> публицистом в Православно-государств<енном> духе.⁴ — Ревностный Пастырь; — энергический и решительный человек.

3. *Иеромонах от<ец> Трифон* (Князь Туркестанов).⁵ — 31 года; — хорошего моск<овского> общества; воспитыв<ался> в Поливановской

---

¹ *Сергей Константинович Веригин* (1868—1938), священник. С Леонтьевым его познакомил Н. А. Уманов. В 1905 г. в сане протодиакона настоятель приходов в Ментоне, По и Биаррице; в 1907 г. перешел в католичество, в 1910—1931 гг. настоятель русской католической церкви S. Lorenzo ai Monti в Риме. См. об этом периоде его жизни: *Юдин А.* Веригин Сергей Константинович // Католическая энциклопедия. М., 2002. Т. 1. С. 938.

² Сохранился написанный рукой Леонтьева адрес: «Пензен<ской> Губ<ернии> Чембарск<ого> уе<зда>, село Поим. — (Село Ершово). — Свя<щеннику> Сергею Констан<антиновичу> Веригину» (РГАЛИ, ф. 290, оп. 2, ед. хр. 23, л. 11).

³ Подробнее об участии Леонтьева в истории его рукоположения (1889) см. во вступ. статье к публ.: Письмо К. Н. Леонтьева к архиепископу Виленскому и Литовскому Алексию (Лаврову-Платонову) / Подгот. текста З. Н. Ивановой; Вступ. статья и примеч. О. Л. Фетисенко // Русская литература. 2002. № 4. С. 158—160.

⁴ В 1886—1888 гг. Фудель был постоянным сотрудником (начиная с первого номера) газеты «Русское дело» (ред.-изд. С. Ф. Шарапов). Позднее печатался в «Московских ведомостях», «Благовесте» и ряде церковных изданий. Автор нескольких работ о Леонтьеве и воспоминаний о нем.

⁵ *Трифон* (в миру князь Борис Петрович Туркестанов; 1861—1934) поступил в Оптину пустынь осенью 1888 г., откуда в конце 1889 г. переведен в Осетию, 31 дек. 1889 г. в Тифлисе пострижен в монашество, а 6 янв. 1890 г. рукоположен в иеромонаха, на момент составления «<Списка верующих>» — вольнослушатель Московской духовной академии, с 1901 г. — епископ Дмитровский, vikарий Московской епархии; впоследствии (с 1931 г.) — митрополит Московский. В ноябре 1891 г. участвовал в погребении Леонтьева. См. о нем: *Афанасьев В.* Пустынник на миру. Митрополит Трифон

Классич<еской> Гимназии.⁶ — Чрезвычайно тонкий, умный и сердечный человек. — Эстетик по природе. — *Убежденный* монах. — Теперь вольным Слушат<елем> в Троицк<ой> Лавре, — в Академии. — Ученик духовный от<ца> Амвросия и мне приятель. — Ездит сюда и гостит подолгу.⁷

Славится необычайной красотой и торжественностью богослужения. — Обещает быть и проповедником.

4. *Ив. Ив. Кристи*; — 27 лет; — сын богатого бессарабского помещика,⁸ по матери родной племянник Послу Нелидову⁹ (в Турции). — Кандидат филол<огического> факультета; Вольный слушат<ель> Богосл<овской> академии;¹⁰ писал весьма умно и дельно (еще 5—6 лет тому назад) — о делах Церковных;¹¹ — вступал в богосл<овскую> полемику; — издал брошюру (в<есьма> дельную) по вопросу о *развитии догмата*.¹² — 1½ года тому назад заболел нервною болезнью; — теперь лечится у отца и на Кавказе. — Есть надежда, что поправится.

Мне друг; — а также и Сер<гею> Ал<ександровичу> Рачинскому близок.¹³

(Туркестанов). 1861—1934 // Литературная учеба. 1995. № 1. С. 132—191. Леонтьев мечтал видеть о. Трифона настоятелем Оптиной пустыни. См.: Русская литература. 2002. № 4. С. 162, 165.

⁶ Московская частная гимназия, основанная в 1868 г. Львом Ивановичем Поливановым (1838—1899) в доме на углу Пречистенки (д. 32) и Малого Левшинского переулка.

⁷ В воспоминаниях о.И. Фуделя «Знакомство с Леонтьевым» есть рассказ о всеобщей в келье старца Амвросия. Здесь упомянут и о. Трифон: «Шестопсалмие читал отчетливо, хотя несколько старательно, грудным баритоном светский молодой человек, брюнет, в очках. На мой вопросительный взгляд Леонтьев, наклонившись, шепнул мне — „Князь Туркестанов“. Впоследствии он принял монашество с именем Трифона, теперь уже давно епископ» (РГАЛИ, ф. 2980, оп. 1, ед. хр. 1051, л. 22).

⁸ *Иван Васильевич Кристи* был поклонником Леонтьева-публициста, на его средства Кристи-сын издал в феврале 1889 г. брошюру Леонтьева «Национальная политика как орудие всемирной революции».

⁹ *Александр Иванович Нелидов* (1835—1910) — дипломат, с августа 1872 г. — советник посольства в Константинополе, позднее посол там же, в Риме и в Париже.

¹⁰ Речь идет о Московской духовной академии.

¹¹ Кристи с осени 1887 г. активно сотрудничал в еженедельном «Гражданине», его статьи на церковные темы подписаны криптонимом «К.». Криптонимом «Кр.» подписаны его «Литературные обозрения», а псевдонимом «П. Сергиевский» (от Сергиева Посада) — корреспонденции из Москвы на церковные и культурные темы.

¹² Имеется в виду статья: *Кристи И.* Чему учит теория развития догмата // Православное обозрение. 1887. № 2. С. 286—314. Отдельное издание не выявлено. Возможно, речь идет об оттисках из «Православного обозрения».

¹³ *Сергей Александрович Рачинский* (1833—1902) — ученый, публицист, педагог. По свидетельству В. В. Розанова, он и Н. Н. Страхов «решительно не выносили Леонтьева» (*Розанов В. В.* Собр. соч. / Под общ. ред. А. Н. Николокиной. Т. 7: Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Литературные очерки. О писательстве и писателях. М., 1996. С. 614). Но, как выясняется, Кристи служил своеобразным посредником между Леонтьевым и Рачинским. Об этом свидетельствуют упоминания татевского учителя в письмах Кристи к Леонтьеву. В октябре 1889 г. Кристи даже передал Рачинскому фотографию Леонтьева и не преминул потом сообщить: «Сергею Александровичу очень понравилось Ваше лицо, хотя говорит, что трудно узнать» (ГЛМ, ф. 196, оп. 1, ед. хр. 158, л. 35 об.).

5 и 6. *Нелидовы*, его двоюродные братья; — сыновья Посланника; один военный;¹⁴ другой дипломат;¹⁵ — бывшие моск<овские> студенты; — совершенно светские молодые люди; — но к *Церкви прибежные*. — (25—24 года); хаживали и ко мне в Москве.

7. *Волжсин*;¹⁶ — богатый молодой помещик; Катковский лицеист и моск<овский> студент. — Теперь Уездный Предвод<итель> в одной из южных Губерний,¹⁷ — женат на Княжне Трубецкой;¹⁸ — *весьма религиозен*; не раз обращался к *старцам* за советами (25—26 л<ет>).

8. *Озеров* (25, 26? л<ет>); сын известного дипломата Озерова;¹⁹ — красавец собой и утонченно-светский юноша. — Катк<овский> лицеист и студент. — Теперь гвардеец. — В *высшей* степени религиозен! — и был невинен, как девушка.²⁰ — Слышно, что недавно стал покучивать и т. п. — Но это преходящие страсти; а не превратные принципы. — Это — не велика еще беда; когда основание крепко.

Из другой сферы

9. *Александров*;²¹ Катк<овский> Лицеист и Магистр филол<огического> факультета (26 л<ет>). — Сын какого-то разночинца. — Теперь доцент Моск<овского> Универ<ситета> по *русс<кой> литерат<уре>*. — Читает лекции с оттенком Православия. — Поэт — Печатал еще мало.²² — Ездит к отцу Амвросию и ко мне; — содержит посты и т. д. Женится по благосл<овению> от<ца> Амвросия;²³ — *без этого не хотел*. — Гр<аф> Толстой пробовал его сбить; — но «не солоно хлебнул» и оставил его в покое.²⁴

¹⁴ Иван Александрович Нелидов (1865—?).

¹⁵ Дмитрий Александрович Нелидов (1863—?). Последний его пост — чрезвычайный посланник, полномочный министр в Бельгии (1916—1917).

¹⁶ Александр Николаевич Волжсин (1860—1933) служил в МВД (с 1889); впоследствии седлецкий губернатор (1904), директор Департамента общих дел МВД (1914), член Государственного совета, обер-прокурор Св. Синода (1915—1916). Сохранилось четыре его письма к Леонтьеву, три 1884 г. из имения Березы (где он родился) и одно без даты (ГЛМ, ф. 196, оп. 1, ед. хр. 99). Волжсин, по-видимому, был в дальнем родстве с Леонтьевым, поскольку в письме от 7 марта 1884 г. передает поклон племяннице писателя, М. В. Леонтьевой, по-родственному, как «тетушке Марье Владимировне» (Там же, л. 8 об.). В другом случае такая фамильярность была бы в леонтьевском кругу невозможна.

¹⁷ Дмитровского уезда Курской губернии.

¹⁸ Ошибка памяти Леонтьева. На княжне Трубецкой (Марии Николаевне) был женат брат И. Кристи, Григорий. Женою А. Н. Волжина была княжна Ольга Алексеевна Долгорукая (1867—1946).

¹⁹ Сергей Александрович Озеров (1863—1904), впоследствии управляющий удельными имениями, сын Александра Петровича Озерова (1817—1900).

²⁰ В письме Кристи от 5 дек. 1883 г. об Озерове говорится: «... я также наслаждался светом его чистоты, но все-таки, мое мнение, ему нужен был бы очень строгий духовник» (ГЛМ, ф. 196, оп. 1, ед. хр. 157, л. 18 об.).

²¹ Анатолий Александрович Александров (1861—1930) — филолог, поэт, редактор-издатель журнала «Русское обозрение» (1892—1898). Опубликовал адресованные ему письма Леонтьева: Александров А. И. Памяти К. Н. Леонтьева. II. Письма Леонтьева к Александрову. Пг., 1915.

²² До описываемого времени Александров помещал статьи и стихотворения в «Русском деле», несколько его стихотворений было напечатано в «Московских ведомостях».

²³ В 1888 г. Александров женился на Авдотье Тарасовне, девушке, как тогда выражались, из «пансиона без древних языков».

²⁴ Александров был домашним учителем одного из сыновей Л. Н. Толстого, Андрея, и одно время даже жил в Хамовниках. Толстой действительно пытался «перевоспитывать»

10. *Чуфрин*;²⁵ — мещанин; — бывший народный учитель. — Три года тому назад еще был отъявленным нигилистом. — (Кроме Некрасова, например, не знал русск<их> поэтов; — из Пушкина я здесь ему *впервые* кой-что прочел). — *Хотел застрелиться*. — *Обращен* отц<ом> Амвросием и теперь нам, старикам, далеко до его веры! — Имеет значительные философские способности; — но без подготовки.

11. Знаю еще нескольких моск<овских> юношей хорошего духа;²⁶ — но те не так замечательны.

Кроме лично мне давно знакомых и близких — слышу и *вижу* со всех сторон и других молодых людей, избирающих путь Монашества и Священства и вообще религиозности. — *Гр<аф> Толстой*, — богат, красив, гвардеец; — волнь<ый> слушатель в Лавре — *Священник*.²⁷ — *Шидловский* и двоюродный брат его *Черепанов* (инженер гвардейский) — молодые, женаты; * монахи в Оптиной;²⁸ — тут же послушником юноша *Золотухин*, сын

православного молодого человека, недоумевал, зачем это он «подымал Иверскую» (т. е. к нему в дом привозили чудотворную икону для служения молебна). В одном из писем к Леонтьеву Александров передавал суждение Толстого: «говорит, что не верит, будто я и Вы искренно можем верить в то, что говорим» (цит. по: *Фетисенко О. Л.* «...С Львом Толстым я не тягаюсь и не равняюсь» (К теме «К. Леонтьев и Л. Толстой») // Филологические записки. 2003. Вып. 20. С. 112).

²⁵ *Федор Павлович Чуфрин* — педагог, публицист. В РГАЛИ и ГЛМ сохранились его письма к Леонтьеву 1890—1891 гг. Щеглов-Леонтьев познакомился с ним в Шамордино 25 июня 1891 г. Об этом свидетельствует запись в его дневнике: «Покаявшийся учитель — Федор Павлович Чуфрин» (РО ИРЛИ, № 1419, ч. 1, л. 17 об.).

²⁶ К ним относятся Е. Н. Погожев (1870—1931) и др.

²⁷ *Николай Алексеевич Толстой* (1867—1938) — священник; выпускник Пажеского корпуса и Московской духовной академии; в 1890 г. рукоположен во священники, в 1894 г. перешел в католичество.

* Жена Черепанова — монахиня, в Тамбове; — жена же Шидловского восстала против мужа и от<ца> Амвросия.

²⁸ Двоюродные братья Борис Вячеславович Шидловский и Иван Петрович Черепанов поступили в Оптину пустынь в январе 1890 г., расставшись с женами, направившимися в обитель, основанную одной из них (Шидловской) в своем имении в Воронежской губернии. Это неординарное событие, о котором Леонтьев подробно рассказал в письме к о. И. Фуделю от 11 февр. 1890 г. (РГАЛИ, ф. 290, оп. 1, ед. хр. 100, л. 75 об.—76), послужило поводом к написанию статьи «Добрые вести». Б. В. Шидловский приходился двоюродным братом гр. С. А. Толстой, жене Л. Н. Толстого. В дневниках Толстого упоминается и сам Шидловский, и его жена, Вера Николаевна Шидловская (урожд. Шабельская; 1861—1918). После первой же трапезы в оптинском скиту Щеглов-Леонтьев отметил в дневнике 23 июня 1891 г. со слов «трапезного» о. Феодора (см. о нем ниже, примеч. 30), перепутав фамилии необычных послушников: «„Петербургские“ в скиту: Иван Петрович Шидловский, Борис Вячеславович Черепанов» (РО ИРЛИ, № 1419, ч. 1, л. 16). 25 июня в Шамордино со слов содержательницы Новой гостиницы Александры Ивановны Астафьевой Щеглов записал рассказ о них: «Шидловский и Черепанов. Сначала веселые супруги, а затем иноки. Безмолвное прощание в новой одежде. Мужья на испытании у старца, живут рядом в избе. — Приехали сначала жены важно, закостюмированные. „Значит, уж такая Премудрость Божия составила о них!“» (Там же, л. 18).

Генерала;²⁹ *Бартоломей*, сын Камер-Гера;³⁰ — в Оптиной же доктор *Щеглов* (лет 30);³¹ — моряк *Алексеев*³² (лично Государю известный — лет 35—36) и т. д.

В *Шамардине*³³ число благвоспитанных и высшего образования девиц и дам — хорошего общества — все растет и растет. — Есть

²⁹ Генерал-майор Александр Николаевич Золотухин (1819—1885), участник Крымской и Русско-турецкой войн. Его дочь, Мария Александровна Золотухина, была благотворительницей Шамординской общины и, возможно, впоследствии поступила туда. Подробнее см.: *Леонтьев*. Т. 8, кн. 2. С. 180—182.

³⁰ *Монах Федор (Бартоломей)*. Это был первый оптинский монах, с которым познакомился 23 июня 1891 г. Щеглов-Леонтьев. «...Отец Федор (трапезный). Для духовного служения надо 100 лет по пустыням послужить. <...> Откуда вы? На какой улице живете? У меня брат инженерный офицер!» (РО ИРЛИ, № 1419, ч. 1, л. 16). Ср. с записью Щеглова-Леонтьева, сделанной перед отъездом из Оптиной: «О. Федор (трапезный) Бартоломей. Навестить брата в Петербурге: Ковенский переулок, дом № 9, кв 10. Всеволоду Александровичу Бартоломею» (Там же, л. 28). Всеволод Александрович Бартоломей (1867—после 1938) — в описываемое время поручик лейб-гвардии Саперного полка. Известен также камергер Петр Александрович Бартоломей (1855—?), московский губернский предводитель дворянства, по-видимому, брат вышеназванных. 1 июля из беседы с о. Федором Щеглов узнает, что тот напечатал в «Церковном вестнике» возражение на какую-то публикацию журнала. «Репортер», — записывает Щеглов (Там же, л. 31).

³¹ В миру *Дмитрий Иванович Щеглов*. С этим «доктором-монахом» (так называет его Щеглов в дневнике) молодой писатель познакомился за обедом у Леонтьева 29 июня 1891 г. (см.: Там же, л. 26; разговор с тем же монахом 30 июня записан на л. 29).

³² Речь идет о *Михаиле Федоровиче Алексееве* (1851—1931), в 1890 г. после смерти жены ставшем послушником Оптиной пустыни, а в 1892 г. поступившем в Московскую духовную академию и там принявшем монашеский постриг с именем Михай. На это событие откликнулся свящ. И. Фудель в своем обозрении «Вопросы церковной жизни»: «...отголоском влияния отца Амвросия на жизнь общественную является совершенное 10 октября пострижение в монашество вольного слушателя Московской Духовной Академии, бывшего послушника старца Амвросия, Михаила Федоровича Алексеева. Новопостриженный из светского звания; родом из дворян; образование получил сперва в классической гимназии, а затем в Морском училище. По окончании курса училища, г. Алексеев поступил на службу во флот, прослужил восемь лет, совершил за это время два кругосветные плавания и в 1890 году вышел в отставку с чином капитана первого ранга. Под влиянием советов отца Иоанна Кронштадтского, Алексеев поступил в Оптину пустынь и под руководством старца Амвросия проходил послушание в течение года. Пострижение г. Алексеева совершено, конечно, не случайно, 10 октября, в годовщину кончины отца Амвросия» (—ъ <Фудель И.И., свящ.>. Вопросы церковной жизни // Русское обозрение. 1892. Т. 5, окт. С. 877). 2 июля 1891 г. на обратном пути из Оптиной Щеглов-Леонтьев был принят старцем Амвросием в Рудневе (хуторок, принадлежащий Шамординскому монастырю). Из беседы, состоявшейся тогда, в дневнике записан, в частности, отзыв старца о послушнике Алексееве (в ответ на слова Щеглова: «Батюшка, благословите, стану послушником?»): «Монахи хорошие есть в Оптиной. Монах Алексей — был лейтенантом флота, кругом света два раза объездил, а теперь кресты золотит» (РО ИРЛИ, № 1409, ч. 1, л. 33 об.). Не ясно, принял ли Щеглов фамилию «Алексеев» за имя «Алексей» или такое имя дали послушнику при постриге в расофор. Ср. выше у Щеглова: «(О. Алексей — Фл<отский> Лейтенант)» (Там же, л. 28). Пройдя по окончании академии ряд настоятельских послушаний, архимандрит Михай (Алексеев) в 1902 г. был посвящен в епископы Сарапульские, затем неоднократно переводился на другие кафедры, а в 1914 г. вернулся в Оптину, на покой. После закрытия монастыря жил в Козельске, почитается в Оптиной пустыни как местночтимый святой в сонме новомучеников и исповедников Оптинских.

³³ Женская монашеская община в Перемышльском уезде Калужской губернии, в 12 верстах от Оптиной пустыни, основанная преп. Амвросием Оптинским в начале 1880-х гг.

и обращенные нигилистки. — Одна из них, не имея еще и 25 лет, уже истинная подвижница и старшим пример.

М. Многие в России и в литер<атуре> и в жизни *застывают* теперь на несколько времени на *Достоевском*; — это недостаточно; — но все-таки путь хороший — к *отцам Амвросиям*.³⁴ — Если при этом взять в расчет: 1) идеальную *безвыходность* лучших умов Запада (Ренан, Гартман и т. п.),³⁵ — 2) нашу современную, сравнительную, хотя и недостаточную еще *потребность умственной независимости* от Европы; 3) *тоску* и неудовлетворимость многих; — и 4) явное *измельчание* революционных идеалов и чувств (сравнить — *конец* XVIII века и *конец* XIX — с этой стороны!) — то можно надеяться, что религиозное движение в России будет еще долго возрастать. — «Гармонии» никакой на земле все-таки не будет никогда; — а все кончится «светопредставлением»,³⁶ — но при таких условиях — во-1-х, *может войти в Царство Небесное наибольшее число душ*; а во-2-х, Россия может культурно и государственно процвести и стать во главе человечества. — (Конечно — *на время*; — а потом *разрушение*).

27 июня 1891 г. О<птина> П<устынь>

---

³⁴ О Достоевском в «педагогии» Леонтьева см.: *Фетисенко О.Л.* Окрест Оптиной. Достоевский и спор о «сентиментальном христианстве» в пометах К.Н. Леонтьева на книге «Преподобного отца нашего Аввы Дорофея душеполезные поучения...» // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 2005. Т. 17. С. 145—161.

³⁵ К этому фрагменту можно было бы привести множество параллельных мест из поздней публицистики Леонтьева. *Эдуард фон Гартман* (1842—1906) с конца 1870-х гг. был одним из наиболее часто цитируемых им авторов. Довольно часто Леонтьев ссылался и на книгу Э. Ренана «Интеллектуальная и моральная реформа» (1871). См. по указателям имен и названий в Полн. собр. соч.

³⁶ Ср. с записанными Щегловым 26 июня 1891 г. словами Леонтьева: «„Гармонии“ для истинного православного и не будет — а будет светопредставление» (РО ИРЛИ, № 1419, ч. 1, л. 23 об.—24). Выше, как и здесь, в «списке», имеется упоминание о Достоевском. Все это — отголоски «посмертной» полемики Леонтьева с автором «Братьев Карамазовых» и Пушкинской речи об «окончательной» всемирной гармонии. Интересно, что утром до прихода к Леонтьеву Щеглов читал в монастырской гостинице «Братьев Карамазовых». Накануне он побывал в Шамордино у старца Амвросия и вот теперь поверял свои впечатления «Русским иноком» Достоевского. «...взял читать „Карамазовых“ Достоевского — вдруг наворачули<сь> слезы. (К кому проведен телефон, к кому нет — так и искренность писателя.) До 1 часа припадок — а потом совсем точно переродился. — Слава святому отцу Амвросию!» (Там же, л. 23 об.). Не пришел ли он и к Леонтьеву с книгой в руках, «спровоцировав» разговор о «гармонии» и «светопредставлении»? Всего вернее, так, потому что книга осталась у Леонтьева, который 14 авг. писал Розанову: «О „Братьях Карамазовых“. <...> у меня они теперь есть; променялся на другие книги с одним петербургским „фельетонистом“ и „беллетристом“, который приезжал сюда, видимо, для „изучения нравов“» (*Розанов В.В.* Собр. соч. / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М., 2001. Т. 13: Литературные изгнанники. Н. Н. Страхов. К. Н. Леонтьев. С. 380—381).